

УДК 82.0

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Социально-политические идеалы в публицистике: идеальные модели открытого общества и «человека политического»

Меринов В.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблема анализа классификации социально-политических картин мира современных отечественных публицистов представляется нам крайне важной. Несмотря на то, что сегодня в науке существует определенный интерес к изучению мировоззренческих позиций российских авторов, следует отметить, с одной стороны, их явную нехватку, а с другой, чрезмерную, на наш взгляд, фрагментацию ценностно-идеологического поля публицистики, не дающую возможность выявить глубинные связи между отдельными авторскими социально-политическими картинками мира. Для решения этой проблемы предложено применить бинарный подход к типологизации авторского политического сознания, при котором берутся в расчет его основополагающие характеристики. В качестве понятийно-терминологической базы использованы категории так называемых «открытого» и «закрытого» обществ как неких идеалов, фундаментальных по своей природе, к которым тяготеет тот или иной публицист. Теоретико-концептуальную основу исследования составляет теория идеального моделирования. Цель работы – создать абстрактные модели «открытого» общества, а также социального поведения и сознания его базового социального типа «человека-политического». В итоге нами построены идеальные социально-политические модели открытого общества, а также черт сознания и вариантов социального поведения «человека политического». Результаты исследования могут стать основой для дальнейших исследований публицистических текстов и классификации авторских картин мира.

Ключевые слова: публицистика, журналистика, социально-политические идеалы, идеальная модель, открытое общество, человек политический, гражданское сотрудничество, доверие

Для цитирования: Меринов В.Ю. 2023. Социально-политические идеалы в публицистике: идеальные модели открытого общества и «человека политического». *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 213–224. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Socio-political Ideals in Publicism: Ideal Models of an Open Society and a “Person Political”

Valery Y. Merinov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. The problem of analyzing the classification of socio-political pictures of the world of modern domestic publicists seems to us extremely important. Despite the fact that today in science there is a certain interest in studying the worldview positions of Russian authors, however, it should be noted, on the one hand, their obvious lack, and on the other hand, excessive, in our opinion, fragmentation of the value-ideological field of journalism, which does not allow reveal deep links between individual author's socio-political pictures of the world. To solve this problem, it is proposed to apply a binary approach to the typology of the author's political consciousness, which takes into account its fundamental characteristics. As a conceptual and terminological base, the categories of the so-called "open" and "closed" societies are

used, as certain ideals, fundamental in nature, to which this or that publicist gravitates. The theoretical and conceptual basis of the study is the theory of ideal modeling. The purpose of the work is to create abstract models of an "open" society, as well as social behavior and consciousness of its basic social type "political person". As a result, we have built ideal socio-political models of an open society, as well as traits of consciousness and options for social behavior of a "political person". The results of the study can become the basis for further research of journalistic texts and the classification of author's pictures of the world.

Key words: publicism, journalism, socio-political ideals, ideal model, open society, political person, civil cooperation, trust

For citation: Merinov V.Y. 2023. Socio-political Ideals in Publicism: Ideal Models of an Open Society and a "Person Political". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 213–224 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Введение

Публицист не только воспроизводит черты существующей действительности, но и создает собственную реальность. Эта реальность в большей или меньшей мере отражает социально-политические идеалы автора текста, которые в свою очередь могут разделяться и другими авторами и являться частью некоего общего дискурса. Таким образом, публицистика (журналистика) существует не только как инструмент анализа общества, мощного эмоционального воздействия на читателя и т. д., но и как носитель и механизм воспроизводства социально-политических идеалов.

Научных работ, непосредственно посвященных этой проблематике в такой постановке вопроса, мы не обнаружили. Как правило, основной фокус изысканий, сконцентрирован на дискурсно-лингвистическом подходе, либо интерес сдвигается в прошлое отечественной общественной мысли (В.А. Гусев, Э.А. Попов, М.В. Петрова, И.А. Немцев, М.Н. Начапкин, Г.Н. Лебедева, А.Н. Дьяченко, А.В. Аверьянов, Л.Р. Авдеева, А.Л. Зорин, Н.М. Пирумова, Л.С. Мамут, И.Б. Зильберман, М.С. Агурский, В.Н. Дёмин, А.В. Репников, В.А. Твардовская, Ю. Г. Степанов, Э.Г. Соловьёв, А.Ф. Сивак, С.М. Сергеев, А.Н. Сахаров, С.М. Санькова, А.В. Репников, Л.А. Тихомиров, Е.В. Тимошина, Д.О. Тимирязев, М.Ю. Чернавский, Ф.Ф. Кузнецов, А.Ш. Шик-Булатов и др.). Есть и кросстемпоральные исследования, затрагивающие современность: А.В. Репников [Репников, 2001], Э.А. Попов [Попов, 2006], М.В. Петрова [Петрова, 2000], А.Л. Янов [Янов, 1995], Л.А. Васильева [Васильева, 2017] и др. Особенность этих работ состоит в том, что собственно публицистический дискурс, как носитель определенных социально-политических идеалов, не является предметом анализа и рассматривается в контексте исследования отдельных идеологий (русского консерватизма, славянофильства, почвенничества, либерализма, социализма, анархизма, народничества, евразийства, сменовеховства, национал-большевизма, фашизма и др.), либо политического мифотворчества (Л.А. Васильева).

Среди ученых, посвятивших свои работы отечественным авторам позднего советского и постсоветского периодов истории, можно отметить П.П. Каминского, который сосредоточил свой интерес на феномене т.н. «писательской публицистики». Объектом его исследований стали мировоззренческие доминанты, «...которые формируют персональную картину мира и определяют художественное творчество» [Каминский, 2012, с. 2], таких мастеров слова как В.Г. Распутин, В.П. Астафьев, С.П. Залыгин. Таким образом, исследователь не ставил перед собой цель поиска черт некоего общего дискурса и, как правило, в центре его внимания оказывались индивидуальные особенности восприятия мира и человека.

Данная работа посвящена предварительному этапу исследования, а именно уточнению параметров одного из типов обществ, который должен послужить отправной точкой для дальнейшего анализа текстов и классификации социально-политических позиций публицистов В основу бинарного членения политических культур (режимов, идеологий,

мировоззрений отдельных людей) положена не идеологическая составляющая, а, скорее, социально-политические отношения внутри общества (верх-низ, свобода-несвобода, активность-запреты и т.п.). На философско-публицистическом уровне этот подход применялся, начиная с эпохи Просвещения (Дж. Локк, Т. Пейн, Ш. Монтескье, А.Н. Радищев, А.И. Герцен и др.), а в социальных науках доказывает свою эффективность с конца XIX в. (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), в XX в. (М. Вебер, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, Д. Норт и др.). Весьма востребован он и сегодня (Р. Даль, Ф. Фукуяма, А.В. Оболонский, А.А. Ивин, С.Г. Кирдина, А.Г. Асмолов и др.). Мы исходим из того предположения, что политические представления автора публицистического текста имеют более или менее системный характер и направлены в сторону одного из двух фундаментальных взглядов на социально-политический порядок и человека¹.

В качестве терминологической основы мы возьмем определения базовых типов обществ («открытое» и «закрытое»), разработанные Карлом Поппером, в книге «Открытое общество и его враги» (1945) [Поппер, 1992 (а), Поппер, 1992 (b)]. Кроме своей познавательной ценности, касающейся пристального внимания к структурообразующим связям и элементам, бинарный подход обладает еще одной интересной особенностью. При более или менее очевидном интересе к какому-либо одному из типов, он неизбежно приводит к уточнению и конкретизированию качеств, присущих его антиподу, играющему роль своего рода политического зеркала и помогающему выявить и усилить специфическое, характерное у оппонента. Поэтому, принимая во внимание то, что основным объектом нашего интереса является закрытое общество, его социально-политические идеалы и способы их рецепции в публицистических текстах, мы начнем, так сказать, с противоположной стороны, рассмотрим с точки зрения основополагающих ценностей его политического визави – открытого общества и человека открытого общества.

В научной и философской литературе не сложилось единого взгляда на «открытое общество», а также исчерпывающего списка его свойств. По разному его толкуют А. Бергсон, К. Фёгелин (философская традиция) и К. Поппер, Дж. Сорос, Н. Уэйд, Ф. фон Хайек, С.А. Ахиезер и другие авторы (социально-политическая традиция). Кроме того, существует целый ряд понятий, близких к этой дефиниции («полиархия» Р. Даль, «порядок (структура) открытого доступа к политической и экономической деятельности» Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст, «общество с доминантой «институциональной матрицы Y» С.Г. Кирдина и т.д.).

Цель нашей работы состоит в том, чтобы создать собственные версии, идеальные модели, общества открытого типа, определив его структурообразующие элементы, и модели его основного социального типа – «человека политического» (термин М. Липсета) [2016], норм его социального поведения и сознания.

Объекты и методы

Объектом нашего общего научного интереса являются процессы осмысления современными российскими публицистами социально-политической действительности, места и роли в ней человека, власти, общества. Предметом выступает инструмент имплементации в тексты современных отечественных публицистов ценностей одного из двух базовых типов обществ, в частности, т.н. «закрытого» общества, который мы условно назвали «дискурсом ограниченной субъектности» [Мерин, 2022, 431], представляющим собой многокомпонентный сложный феномен.

¹ При этом жанровые и тематические особенности самого текста, также как и прямые высказывания политического характера, могут при рассмотрении отодвигаться в сторону, а на первое место выходить другие объекты: социально-политические отношения, паттерны социального поведения, типы выделяемых коллективов и личностей и т.п., что позволит надежнее атрибутировать политическую картину мира публициста. Мы полагаем, что этот подход позволит увидеть сущностные сходства и различия как в самих политических системах, так и во взглядах публицистов.

Базой нашей работы послужит методология конструирования идеальной модели. Понятие «идеальной модели» взято из социологии (социологии культуры и социальной антропологии), в которой широко распространена практика создания идеализированных (теоретических) моделей общества (М. Вебер и А. Вебер, Т. Парсонс, Л. Уайт, Р. Мертон, А. Моль и др.). Идеальная модель не является целью исследования, она – инструмент познания. И в этом смысле она представляет собой отвлеченную от реальности конструкцию, «такой тип не существует в чистом виде...» [Парсонс], своего рода полюс (объединяет предельные черты), служит неким масштабам (онтологическим образцом) для измерения реальности. Другими словами, цель создания идеальной модели (или типа) состоит в «выработке критерия сравнения реальных экземпляров» [Лоусон, Геррод, 2000, с. 135]. Собственно, типологический метод и предназначен для сравнительного анализа систематизированного конкретного материала с идеальной моделью: «Если систематизация руководствуется критерием необходимости и достаточности выявленных ею компонентов системы, то типологизация оперирует критерием возможности и действительности тех модификаций, которые она обнаруживает теоретически и эмпирически» [Каган, 2006b, с. 50]. Таким образом, типологизация как метод предлагает некий путь к «архетипу», «первообразу» (М. Каган).

Наибольший вклад в создание социологической идеальной модели («идеального типа») внес М. Вебер [Вебер, 1990]. Некий социальный феномен, к примеру «бюрократия», «вырывается» из своей эпохи и подвергается целостному системному анализу. То есть исследуются типы отношений, логика устойчивых связей между элементами вне зависимости от конкретных проявлений, определенного историко-культурного хронотопа. М. Вебер называл свою идеальную модель общества «утопией». Причиной такого определения стал, как мы полагаем, не только «фантазийный (умозрительный) характер конструкции» [Гайденко, Давыдов, 1991, с. 46], на котором настаивал сам автор, но и ее специфика. «Утопичность» ее, на наш взгляд, состоит в заострении, деформации, усилении, стремлении к отчетливости, резкости проявления и системности (упорядоченности, организованности), составляющих эту модель элементов. Модель создается путем усиления элементов, трактуемых как основные, типичные, то есть устойчивые во времени, и логического их связывания. Она представляет собой логически стройный, несколько упрощенный (за счет удаления случайных и несистемных (по мнению автора) элементов) конструкт, обладающий довольно сложным каркасом, созданным из различных компонентов. Для идеального типа характерно «выделение из индивидуальных явлений чего-то если не общего для всех них, то, по крайней мере, характерного для многих» [Гайденко, Давыдов, 1991, с. 47]. Найденные закономерности наиболее адекватно описываются структурным языком. Структурный анализ как «исследование внутреннего состояния системы» [Каган, 2006с, с. 29] ориентирован на поиск синтезирующей структуры, «костяка», повторяющихся частей [Каган, 2006а, с. 32].

При этом довольно трудно однозначно ответить на вопрос, какой путь ведет к построению «идеальной модели» – дедуктивный (сверху-вниз, от априорной схемы-матрицы) или индуктивный, отталкивающийся от феноменологического описания единичного явления? Понятие «идеальный тип» объединяет в себе и априорную конструкцию, и эмпирическое обобщение. Следует подчеркнуть, что любая модель сама по себе не является результатом исключительно т. н. объективного (равнодушного по Канту) познания [Кант, 1993], отстраненного от ценностного выбора исследователя, беспристрастно выстраивающего свою теорию в хаосе фактов. Соединение разрозненных фактов и событий в интерпретирующую схему неизбежно опирается на априорные представления (предпосылки) о предмете и смежные дисциплины. При объединяющем подходе, как писал Шиллер, «философский ум» создает «систему», он «не может мириться с отдельными кусками и обрывками целого» [Шиллер, 1956, с. 13]. Эти предзаданные теории «неявно содержатся в его терминологии. Как писал К. Поппер в своем труде «Нищета историцизма»: «Говоря о правительствах, нациях и армиях, он (историк. – М.В.) пользуется, как правило, бессознательно,

«моделями», полученными с помощью научного или донаучного социологического анализа» [Поппер]. В то же время, как справедливо заметили П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов, рассуждая о генезисе веберовского идеального типа, «нельзя отделаться от того, что все-таки идеальная конструкция извлечена из эмпирической реальности» [Гайденко, Давыдов, 1991, с. 46]. Конечно, невозможно создать работающую модель без обращения к конкретным бесконечным и разнообразным общественным проявлениям.

Идеальные модели открытого общества и социально-политического сознания и поведения «человека политического»

Перечислим основные, на наш взгляд, социально-политические черты открытого общества:

1. Центральное структурообразующее место в открытом обществе занимают конкретный, реальный, существующий здесь и сейчас человек как высшая ценность, его жизнь, политические и гражданские права и свободы, достоинство. Сущность свободы и достоинства состоит в праве человека свободно самостоятельно принимать решения, выбирать из максимально широкого спектра предложений практически во всех жизненных сферах: политической, идеологической, духовной, религиозной, культурной, материальной, бытовой и т.д., и, кроме того, в праве самому активно и беспрепятственно участвовать в политической или гражданской деятельности, внося свой вклад в расширение разнообразия, в создание и поддержку новых или существующих центров влияния и власти.

2. Политическую, юридическую и гражданскую инфраструктуру (институты, организации, формы социального поведения и т.д.) открытого общества можно назвать инструментами поддержания порядка равенства, свободного выбора и разнообразия.

3. Открытое общество можно определить как общество, в котором существует «верховенство права» (то есть общество правовое), а граждане подчиняются абстрактным правилам (законам). Сами законы ориентированы на защиту свобод и прав каждого человека, устанавливают равенство прав и ответственности перед законом всех без исключения, а также на защиту от возможного произвола, нарушения принципов справедливости (равенства) и купирования опасностей.

4. Главная опасность для свободы выбора состоит в установлении политико-правового и ценностного режима неравенства путем выделения какой-либо одной или нескольких групп или социального слоя, обладающих привилегиями в отношении других членов общества, фактическим (и/или правовым) иммунитетом, а также в наличии дискриминируемых групп. Как правило, к такому положению дел приводит монополизация и концентрация власти и ресурсов в одной точке, сопровождающаяся лишением человека прав и субъектности, то есть самой возможностью отстаивать свои интересы и права. Монополия единственной политической силы, являющейся отличительным признаком закрытого общества, как правило, ведет к ограничению и запрету на политическую и гражданскую активность всем, кроме этой силы и лояльных ей социально-политических структур, резкому сужению или полному отсутствию выбора, фактической ликвидации представительских и правовых институтов (их симуляции), навязыванию единственно верной позиции, прежде всего в политической, гражданской, идеологической, культурной и др. сферах, политике давления и эксклюзии к несогласным, высокому уровню запретов и наказаний в политической и гражданской сфере, ограничениям в доступе к информации из независимых от власти источников, тотальному контролю правительства над обществом и т.п.¹

5. Чтобы не допустить неконтролируемого расползания полномочий на соседние сферы, в открытом обществе устанавливаются четкие правовые барьеры от вмешательства

¹ Традиционно наиболее опасной, с точки зрения монополизации полномочий, в связи с непосредственным доступом к различного рода ресурсам (административным, силовым, финансовым, медийным и т.п.), является исполнительная ветвь власти (т. н. центральная власть).

в деятельность социальных акторов со стороны «внешних» сил, прежде всего правительственных (государственных), в частную, гражданскую, судебную-правовую и политическую сферы. Именно поэтому смысл и содержание конституций Нового времени, начиная с Великой хартии вольностей (1215), состоит не том, чтобы составить основной свод законов, как полагают многие, как правило, в закрытых обществах, а в том, чтобы этими законами оградить другие элементы общества от возможного посягательства власть имущих на полномочия как самых слабых и незащищенных (отдельного человека и гражданского общества), так и целых институтов (экономики, частной собственности, СМИ, местного самоуправления, сферы искусства, и др.) и ветвей власти (законодательной, судебной), то есть обеспечить их защищенность от центральной власти в рамках демократического законодательного разделения полномочий и ответственности.

6. Открытое общество – общество «полиархическое» [Даль, 2010], то есть социально-политическое пространство, насыщенное разноуровневыми и разнонаправленными конкурирующими центрами власти и влияния. Это общество частичного социально-политического и правового суверенитета¹, субъектности (самостоятельного действия и выбора) и иммунитета многочисленных социальных и политических акторов, начиная с отдельного человека. То есть ни один институт, организация или человек не обладает полной независимостью, свободой от контроля и критики, а также правом навязывания своей воли всему обществу. Таким образом, важнейшей задачей общества открытого типа является удержание баланса интересов и возможностей между центрами влияния с той целью, чтобы ни один из них не стал в итоге единственным источником власти, имеющим ресурсы для подавления других центров социально-политического, морального, правового и других типов суверенитета. В данном отношении эти центры можно представить как институты взаимного контроля и сдерживания властных, узурпаторских амбиций.

7. Открытое общество предполагает законодательное оформление и соблюдение правил четкого распределения (разделения) и ограничения полномочий и юрисдикции не только по горизонтали (классическое разделение властей и местного самоуправления)², но и по вертикали³, гарантирующих независимость различных властных структур друг от друга, оставляющих возможность самостоятельного действия и отстаивания собственных позиций и позиций своих избирателей перед другими властными инстанциями. Институционализированные структуры власти формируются обществом в открытой конкурентной политической борьбе, в процессе свободных выборов, демократических процедур, отчего складывается система зависимости власти, чиновника от граждан.

8. Условиями сохранения баланса сил выступают также и максимальная конкурентность и открытость политических институтов (программ, планов, бюджетов, трат (расходов и доходов), личной жизни чиновников и политиков, и, напротив, редукция секретных статей, деятельности спецслужб и закрытых военизированных структур, правительственной секретности как таковой, возможность общественного контроля, добровольная, реальная (а не пародийная, как в тоталитарном обществе) включенность граждан в социально-политические процессы. Открытость включает как свободную деятельность международных общественных и правозащитных организаций внутри общества, так и широкую включенность

¹ Понятие суверенитет, как правило, рассматривают в отношении государств как качественное свойство, определяющее их независимое положение по отношению к другим странам. Между тем это понятие вполне применимо и в определении особенностей внутригосударственного социально-политического устройства, оно занимает ведущее место при моделировании социального типа.

² К примеру недопустимость влияния, прямого назначения или отстранения сверху выборных должностей (региональных (местных) руководителей) исполнительной ветвью власти вне процедур ответственности перед своими выборщиками, ущемляющих права местного самоуправления, нарушающих принципы подотчетности избирателям.

³ К примеру, разграничение прав и полномочий судов различного уровня, ограничение вмешательства для вышестоящих без права вмешиваться, влиять, оказывать давление, снимать с должности, наказывать и т.п., что может гарантировать только независимость нижестоящих от вышестоящих инстанций.

государства в систему международных правовых, парламентских, общественных, торговых и экономических отношений.

9. Формализованные структуры – не единственные формы власти в открытом обществе. Другое крыло власти представляют неформальные структуры, возникающие в результате гражданской самоорганизации. Открытое общество как «...плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия...» [Алмонд, Верба, 2014, с. 20] – это своего рода инкубатор по разведению, размножению разнообразных центров силы, влияния (политического, морального, социального), чаще всего представительского типа.

10. Открытое общество, метафорически выражаясь, общество шумное, ибо только высказываясь и обсуждая проблемы публично без стеснения, заявляя о себе, своем существовании прямо и громко и объединяясь с себе подобными, человек может стать видимым и значимым для общества. Только став публичным, он обретает свою социальную бытийность, гражданское, а зачастую и человеческое достоинство, а также способность защитить себя и свои интересы. Отсюда выдающаяся роль в открытом обществе публичных пространств и институтов (СМИ, выборов и выборных институтов, агор, гайд-парков, площадей, других мест собраний и т.д.), этих механизмов гражданского сотрудничества, доверия, озвучивания, формирования, согласования, кристаллизации, легитимации и отстаивания в публичной сфере разнообразных групповых интересов, ценностей, желаний, устремлений, норм, идентичностей, выступающих своего рода усилителями голоса и влияния гражданина и отдельных групп, а также выявляющими проблемы сканерами, обнаруживающими несправедливость, дискриминацию в отношении различных групп общества или отдельных персон.

11. Важнейшей, если не определяющей, чертой открытого общества является наличие развитого и реального действующего института частной собственности, одного из самых значимых источников и условий накопления ресурсов, создания, поддержки и функционирования новых центров влияния.

Черты социальной личности человека политического выводятся из нескольких основоопределяющих и взаимосвязанных политических установок и паттернов социального поведения, а их идеологической базой является концепция «взрослого», свободного и ответственного гражданина, основывающаяся на презумпции ценностного, интеллектуального, морального и правового равенства всех людей.

«Человек политический» убежден в том, что:

1) общество не строится сверху по единому Плану, великим строителем-демиургом, а создается совместными усилиями множеством социальных акторов;

2) политика не является изолированной сферой деятельности, сферой проявления талантов и выдающихся способностей лишь избранных, сверхпрозорливых, наделенных тайным знанием, пророческим даром или особым видением реальности, якобы рожденных только для этого небожителей, и недостижима для разума профанов, неспособных дотянуться до вершин стратегического (геополитического) мышления; что власти, как и обычному человеку, присуще ошибаться, не замечать очевидное и игнорировать значимое, заблуждаться, совершать неблагоприятные поступки и преступления, что власть имущие не всё могут решить и предусмотреть, или не хотят этого в силу различных причин;

3) его собственная (отдельного гражданина) и его коллег-сограждан «гражданская компетентность» [Алмонд, Верба, 2014, с. 237], то есть уровень компетенций, познаний, интеллектуальных способностей, кругозора, вполне достаточен, чтобы участвовать в принятии политических решений (то есть решений, затрагивающих их жизненные интересы и влияющие на судьбу каждого и общества, в целом), формировать структуры управления (вплоть до собственного вхождения во властную группу);

4) его голос и мнение являются важными для общества, значимости себя как личности и важности своей позиции в решении политических вопросов;

5) он лично и его коллеги-сограждане вносят значимый вклад в развитие различных областей жизни (гражданской, культуры, экономики, политики, искусства и т.д.);

6) его личные интересы не расходятся с интересами общества, и тем более не противопоставлены им;

7) материальный достаток, расширение стандартов и норм жизни являются не грехом, а благом для человека и всего общества, так как способствуют увеличению возможностей выбора, большей свободе, доступу к ценностям и ресурсам (культурным, интеллектуальным), являются хорошей базой для культурного и интеллектуального роста;

8) он вправе самостоятельно отбирать круг своих предпочтений на основе собственного вкуса, взглядов или приоритетов во всех областях жизни – от искусства до политики – из максимально широкого регистра предложений, без подсказок цензуры или ограничивающих органов.

9) защита прав и свобод каждого гражданина является приоритетом деятельности общества и государства;

10) он может свободно выражать свое мнение, в том числе открыто и публично участвовать в неформальных гражданских акциях, отстаивать свои принципы и ценности, интересы (которые вовсе не обязательно могут иметь политический характер, но и экономический, профессиональный, социальный и т.п.), что, впрочем, не отменяет политическую суть действия, является нормой;

11) в праве гражданина – свободно участвовать и самому создавать (убеждать и вовлекать других (сеть знакомых, община) в совместную деятельность), центры (группы) социального влияния добровольные ассоциации («группы интересов» (Алмонд, Верба) как политического, так и неполитического (благотворительные, религиозные, зоозащитные и т.п.) типа, представляющие его интересы и усиливающие его влияние. Можно охарактеризовать человека политического как склонного к гражданской кооптации, социальной коммуникации;

12) гражданин обладает правом и даже обязанностью (гражданским долгом) ради собственных интересов и поддержания режима свободы ограничивать властный произвол, контролировать лидеров (правительственные, властные элиты) и бюрократию, «открывать» для общества скрытые от него (от критики, контроля, требовать доступа к информации) зоны через процедурные ритуалы: обращения к органам власти, систему выборов, участия СМИ, а если они не идут навстречу требованиям, принуждать к отставке, применяя и другие способы давления, включая уличную практику гражданских угроз, участие в митингах и протестах, а также выбирать другие формы политического давления вплоть до права народа на сопротивление и «применение силы» в крайних случаях (тирании) [Локк, 1988, 380];

13) человека политического отличает вера в человека и его положительные качества: бескорыстие, готовность прийти на помощь, общую установку на гражданскую эмпатию и высокую степень доверия, по словам Гарольда Лассуэла «...на теплое, неравнодушное отношение к другим людям» [Алмонд, Верба, 2014, с. 25], доброжелательность, отзывчивость, открытость и толерантность, готовность «...разделять ценности других и делиться своими ценностями с другими» [Алмонд, Верба, 2014, с. 25];

14) что другой (согражданин) также обладает гражданской щедростью и готовностью оказать помощь, что он является надежной опорой и резервом группового влияния и сам готов к сотрудничеству, готов выступить в составе гражданских коллабораций, защищая общие права, протестовать против не устраивающих его планов, решений и поступков, в том числе органов власти;

15) что гражданские действия отдельного гражданина могут и должны иметь значимые последствия, а его поступки эффективны для склонения чаши весов в свою сторону;

16) также презумпция доверия (равенства) и уважительного отношения существует и в отношении другого (иноплеменника). Он не воспринимается с подозрением, недоверием, как Чужой, от которого можно ежеминутно ждать неприятностей. Так снимаются барьеры

между своим и чужим. Отсюда умение сопереживать другому, готовность справедливо и по достоинству оценить его (человека, государство, цивилизацию, род деятельности...) достижения, труд, талант, вклад в развитие человеческой цивилизации, мира, науки и техники, искусства и т.д., готовность перенимать чужой опыт. Чужие достижения не становятся поводом к болезненному ресентименту;

17) причины неудач не стоит перекладывать на плечи других и списывать их на «приски» внешних врагов и внутренних изменников, а искать в недостатках собственных действий и решений. Общество, таким образом не нужно разделять на своих и чужих, «наймитов» международных злых сил;

18) настоящее время – есть итог, пусть и промежуточный, но важный, всему тому, что было создано в культуре многими поколениями. При всей значимости прошлого и будущего, именно оно является самым важным, временем, аккумулировавшим наиболее ценное, временем, в котором протекает его собственная жизнь и жизнь его коллег-сограждан. Отсюда стремление добиться успеха в решении вопросов в настоящей жизни, и не откладывать это решение на загробное существование;

19) история и традиция не должны довлеть над настоящим и будущим. Всё хорошее не приписывается исключительно прошлому, уж тем более, оно не является нравственным образцом, чистым, однозначно благородным, талантливым, человечным. Более того, прошлое, в силу неразвитости многих социальных отношений (насилие, дискриминация и т.п.), институтов (право, мораль), техники, зачастую оказывается гораздо менее привлекательным, чем настоящее. Нередко взгляд на прошлое предполагает социально-политический его анализ, проблематизацию недостатков, системных проблем в области прав человека. Прошлое в этом случае, становится важным уроком, из которого настоящее должно извлекать выводы, в сторону его преодоления, гуманизации. То есть именно настоящее становится точкой отсчёта для других времен, вырабатывает критерии их оценки. Отсюда отказ от культа предков, непогрешимой традиции и культа Будущего;

20) важной чертой человека является его способность к расширению своих горизонтов познания, открытость, восприимчивость к новому, к новым впечатлениям. Эта открытость касается любых сфер современности: науки, культуры, религии, искусства, спорта. Новое не должно маркироваться как подозрительное, чуждое, потенциально опасное, разрушительное для морали и целостности общества. Поэтому в отношении достижений, к примеру, современной культуры, новых форм искусства (течения, стили, жанры, авторы и т.п.), в основе своей, должна преобладать позитивная, «понимающая» (термин из социологии) ориентация;

21) научные открытия и достижения в области современной техники – занимают существенное место в жизни человека, они привлекают и окрыляют, расширяют границы познания и человеческие возможности. Однако при этом, технические новшества не представляют собой средство достижения будущего, это всего лишь инструмент, могущий оказаться в руках, к примеру, реставраторов несовершенного прошлого или конструкторов тоталитарного будущего, использующийся для подавления (слежки, контроля, репрессий и т.п.) гражданского общества, уничтожения принципов равноправия и справедливости. Поэтому применение технических достижений в некоторых областях жизни должно находиться под гражданским контролем. Само техническое развитие общества не является основным показателем его цивилизованности и гуманности, будущее не создается техникой, оно наступает в результате совершенствования политических систем, права, экономики и общей гуманизации общества;

22) основной критерий оценки развития общества – уровень прав и свобод гражданина, его защищенность перед лицом «сильных мира сего»;

23) права и свободы отдельного гражданина на шкале ценностной иерархии расположены выше прав коллективных. Более того, как правило, т.н. коллективные права могут представлять собой угрозу для каждого человека в отдельности, ограничивая его право выбора, то есть свободу;

24) в открытом обществе гражданские добродетели человека-политического и личные качества человека, реализующиеся в быту, не дублируют друг друга полностью. Конечно, есть между ними определенные корреляции, совпадения: честность, добросовестность, к примеру. Однако между этими образами человека есть и существенная разница. Так, в личной жизни по отношению к близким (родственникам, соседям) безусловными ценностями являются скромность, терпеливость, терпение, невзыскательность, покладистость, уступчивость, семейственность, приветливость, незлобивость, незлопамятность, миролюбие, ценится человек сдержанный, деликатный, уважающий чужую приватность и т.д. Гражданская же деятельность требует от человека другие качества: настойчивость (упрямство), эмоциональность, решительность в отстаивании прав, своего рода, нескромность, публичность, умение и желание быть на виду, спорить и отстаивать свою правоту, быть граждански «видимым», заметным, субъектом, социальным актором, требовательным к власти, громко заявлять о своем недовольстве, требуя от власти эффективного решения, излишняя деликатность здесь будет равна робости, стеснительность – слабости, доверие к согражданам должно сочетаться с недоверчивостью, настороженностью в отношении к власти имущим и закрытым структурам, желанием следить контролировать и проверять их, в общем, быть настороже.

Заключение

Подведем краткий итог. В процессе работы над темой мы пришли к следующим выводам: 1) элементы открытого общества представляют собой систему, то есть взаимосвязаны и взаимозависимы; 2) идея открытого общества – идея разнообразия и выбора, то есть максимально широкое представительство в политическом и социальном (культурном, идеологическом, художественном и др.) пространствах различных традиций, сил, движений, позиций, точек зрения и т.п.; 3) природа открытого общества раскрывается через осознание фундаментальной его ценности: реального, существующего здесь и сейчас человека, обладающего правом выбора и участия в политической и гражданской деятельности; 4) ведущими чертами открытого общества являются: публичность, автономность, разнообразие и право выбора, а также стремление социальных систем этого типа не только воспроизводить разнообразные автономные структуры, сохраняющие свою социальную и политическую субъектность, но и поддерживать баланс политических влияний, с целью недопущения узурпации власти какой-либо одной политической силой; 5) базовым элементом открытого общества, без которого оно не способно поддерживать свой гомеостазис, являются не только работающие социально-политические институты, но и «человек политический», человек уверенный в себе, «громкий», человек активного и самостоятельного гражданского действия, высокой «гражданской компетентности».

Список литературы

- Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. Пер. с англ. Е. Генделя. М., Мысль, 500 с. (Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, Princeton University Press, 576 p.)
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс, 808 с.
- Васильева Л.А. 2017. Мифотворчество и мифологизация в печатных СМИ: Ретроспектива и современность. Дис. ... докт. Филол. наук. С.-П., 426 с.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. 1991. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., Политиздат, 368 с.
- Даль Р.А. 2010. Полиархия: участие и оппозиция. Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М., Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 288 с.
- Каган М.С. 2006 (а). О способах представления структур социальных объектов. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Том I. Проблемы методологии. СПб, ИД «Петрополис», С. 31–44.

- Каган М.С. 2006 (b). Системное рассмотрение основных способов группировки. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Том I. Проблемы методологии. СПб., ИД «Петрополис», С. 44–54.
- Каган М.С. 2006 (c). Системность и историзм. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Т. I. Проблемы методологии. СПб., ИД «Петрополис», С. 21–31.
- Каминский П.П. 2012. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. М., Флинта, Наука, 240 с.
- Кант И. 1993. Идея всеобщей истории во всемирно–гражданском плане В кн.: Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том 1. «Трактаты и статьи» (1784–1796). М., Издательская Фирма АО «Ками», 586 с.
- Липсет М. 2016. Политический человек: социальные основания политики. Пер. с англ. Е.Е. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М., Мысль, 612 с.
- Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. В кн.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсона и др. Под ред. А.Л. Субботина. М., Мысль: 137–405.
- Меринов В.Ю. 2022. Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 40(4): 431–441.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. Библиотека «Политология». URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/parsons.php> (дата обращения: 30.11.2022)
- Петрова М.В. 2000. Парадигмы русской национальной идеи: История и современность. Автореф. дисс. докт. полит. наук. Москва, 28 с.
- Попов Э.А. 2006. Русский консерватизм: идеология и социальнополитическая практика. Автореф. дисс. докт. филос. наук. Ростов–на–Дону, 38 с.
- Поппер К. 1993. Нищета историцизма. Москва, Прогресс, 185 с.
- Поппер К. 1992 (a). Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 448 с.
- Поппер К. 1992 (b). Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков; Гегель, Маркс и другие оракулы. М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 448 с.
- Репников А.В. 2001. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра. В кн.: Консерватизм в России мире: прошлое и настоящее. Воронеж, Выпуск 1. С. 9–20.
- Шиллер И.–Ф. 1956. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения. В кн.: И.–Ф. Шиллер. Собр. соч.: В 7 т. Т. IV. Исторические сочинения. Статьи. М., Худ. лит., С. 9–31.
- Янов А.Л. 1995. После Ельцина. "Веймарская" Россия. М.: "КРУК", 320 с.

References

- Almond G., Verba S. 2014. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Per. from English. E. Gendel'. М., Publ. Mysl', 500 p. (Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, Princeton University Press, 576 p.)
- Weber M. 1990. *Selected works*. Per. with him. М., Progress, 808 p. (in Russian).
- Vasilyeva L.A. 2017. *Myth–making and mythologization in Print Media: Retrospective and Modernity*. Dis. ... doct. Philol. nauk. S.–P., 426 p. (in Russian).
- Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. 1991. *History and Rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance*. М., Politizdat, 368 p. (in Russian).
- Dahl R.A. 2010. *Polyarchy: participation and opposition*. Translated from the English by S. Denikina, V. Baranova. М., Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 288 p.
- Kagan M.S. 2006 (a). About the ways of representing the structures of social objects. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in VII volumes. Volume I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Petropolis Publishing House, pp. 31–44 (in Russian).
- Kagan M.S. 2006 (b). Systematic consideration of the main ways of grouping. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in VII volumes. Volume I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis", pp. 44–54. (in Russian).
- Kagan M.S. 2006 (c). Consistency and historicism. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in the VII vol. Vol. I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis": 21–31 (in Russian).
- Kaminsky P.P. 2012. "Time and the burden of anxiety". *The journalism of Valentin Rasputin*. М., Flint, Nauka, 240 p. (in Russian).

- Kant I. 1993. The idea of universal history in the world–civil plan In the book: Essays in 4 volumes in German and Russian. Volume 1. "Treatises and articles" (1784–1796). Moscow, Publishing Company JSC "Kami", 586 p. (in Russian).
- Lipset M. 2016. The Political man: the social foundations of politics. Handel, V.P. Gaydamak, A.V. Mateshuk, M., Mysl, 612 p. (in Russian).
- Locke J. 1988. Two treatises on government. In the book: Locke J. Essays: In 3 vols. Vol. 3. Translated from English and Latin by Y.M. Davidson and others. Edited by A.L. Subbotin. M., Thought: 137–405 (in Russian).
- Merinov V.Yu. 2022. The ideology of limited subjectivity in the work of modern Russian publicists: the essence and methods of implementation. *Questions of Journalism, pedagogy, Linguistics*, 40(4): 431–441 (in Russian).
- Parsons T. The concept of society: Components and their relationships. The library "Politology" (in Russian). URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/parsons.php> (accessed: 11/30/2022)
- Petrova M.V. 2000. Paradigms of the Russian National Idea: History and Modernity. Av–toref. diss. dr. polit. sciences'. Moscow, 28 p. (in Russian).
- Popov E.A. 2006. Russian Conservatism: ideology and Socio–political practice. Av–toref. diss. doct. philos. sciences'. Rostov-on-Don, 38 p. (in Russian).
- Popper K. 1993. The poverty of historicism. Moscow, Progress, 185 p. (in Russian).
- Popper K. 1992 (a). Open Society and its enemies. Vol. 1. The Charms of Plato. M., Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative", 448 p. (in Russian).
- Popper K. 1992 (b). Open Society and its enemies. Vol. 2. The Time of false Prophets; Hegel, Marx and other oracles. M., Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative", 448 p. (in Russian).
- Repnikov A.B. 2001. Russian conservatism: yesterday, today, tomorrow. In: Conservatism in the Russian World: Past and Present. Voronezh, Issue 1. pp. 9–20 (in Russian).
- Schiller I.-F. 1956. What is the study of world history and what is the purpose of this study? In the book: I.-F. Schiller. *Sobr. op.*: In 7 vols. Vol. IV. Historical writings. Articles. M., Hood. lit., pp. 9–31 (in Russian).
- Yanov A.L. 1995. After Yeltsin. "Weimar" Russia. Moscow: "KRUK", 320 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.12.2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received December 11, 2023

Revised February 06, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy Y. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia